

Газета «Правда» 26 февраля 1991 года на полосе «Дискуссионный листок № 82» опубликовала статью Г. Крючкова «Что замысливают новоявленные пророки» об одном неблагополучном затее. Она является откликом на статью «Альтернатива», опубликованную в «Литературной газете» 30 января сего года и представляющую собой запись беседы С. Алексеева, Ф. Бурацкого и С. Шаталова.

Публикуемая ниже статья представляет собой не просто ответ на статью в «Правде», а продолжение раздумий одного из участников беседы.

УДАРИТЬ ПО ПИЛАТЧИНЕ

Вы помните у М. Булгакова в «Мастере и Маргарите» — «Ударить по пилатчине? То был ответ на роман Мастера о казни Иисуса Христа».

Время проходит, но нравы, увы, меняются медленно. «Новоявленные пророки», «неблагополучная затея», «политическое флюгерство», «матерый аппаратчик», наконец, «перевертывши» — вот так выглядит лексика листка, который называет себя дискуссионным. Я не имею чести знать автора статьи Г. Крючкова, но я хорошо знаю «Правду» и ее главного редактора. Неужели опять, как в 30-е годы, нужно ударить по пилатчине этого то жебу, продолжившего славную традицию по серьезным вопросам нашей жизни, начатую довольно серьезными людьми?

Должен с большим огорчением заметить, что правдивый оппонент, который обещал дать «серьезный комментарий» к нашей статье, совершенно обошел суть поставленной проблемы. Ее можно свести к простой мысли: что может вывести нас из кризиса обеспечения стабильности, а в дальнейшем — современного образа жизни людей — возврат к коммунистической идеологии или продолжение ее общечеловеческих ценностей, прежде всего к социальной демократии?

Вообще-то я больше сторонник прагматизма: делать то, что дает эффект сегодня и сейчас — для решения производственных проблем, ликвидации дефицита, регулирования конфликтов. Но приходится снова возвращаться к общему вопросу: так как вот уже шесть лет мы мучаемся среди трех идеологических сосен: социализм, частная собственность, суверенитет.

ЧЕМ МЫ ОБЕСПОКОЕНЫ

Читатель, вероятно, небезынтересно знает, почему три учения, которые уже более 30 лет участвуют в идеологической и политической жизни страны, сочли необходимым выступить с этой статьей. Ни один из нас не входил и не входит ни в какую группу, в том числе межрегиональную, не домогался таким путем каких-то постов. Никаких личных дивидендов от своего выступления мы не ждали и не ждем. А руководствовались только чувством долга, которое во все времена было двигателем людей, ищущих истину во имя общественного блага.

Чем мы мы беспокоимся? Снажу за себя. У нас появились опасения отката или торможения политики структурных реформ, прежде всего в области экономики, а также государственного строительства и в сфере личной свободы.

Мой близкий друг и давний друг Булат Окуджава подарил мне на днях лекционную брошюру «Шаг вперед, два шага назад». Видно, и он беспокоен многими конвульсивными движениями перестройки в последние времена. Я не верил и не верю, что Президент СССР М. С. Горбачев, инициатор перестройки, стал заложником консервативных, а тем более реакционных сил. Но то, что их давление резко усилилось в последнее время — неопровержимый факт.

Не скрою — я удовлетворен тем, что разрывания, которые даны в программном выступлении М. С. Горбачева в Академии наук в Белоруссии. Он твердо подтвердил свою приверженность к реформам. Переход к рыночной приватизации. Формирование Союза суверенных республик. Политический и духовный плюрализм. Обновление программы Компартии. Продолжение политики нового мышления — на мировой арене. Одним словом, реконструкция всей системы.

Если социализм — это гуманизм и цивилизованность, то у нас нет оснований для спора. Но если социализм — это государственная экономика, однопартийная система, господство одной идеологии, как думают и пишут в органе ЦК КПСС — «Правде», то спор продолжится.

Идея центра, выраженная в выступлении М. С. Горбачева, представляется абсолютно правильной. Только такой и может быть позиция президента, интегрирующей все интересы и течения, имеющиеся в стране. Но именно это предполагает наличие как правых, так и левых течений — иначе где будет находиться центр? Кстати, пора бы уже самоопределиться и в Верховных Советах — ввести разделение групп по регионам и профессиональному признаку образования, как во всех парламентах мира. Эти три главных направления, да и расстановка на заседаниях, возможно, осуществит так же правые, центральные, левые.

Убежден, что размежевание политических сил идет не по горизонтали, а по вертикали. Есть правые, левые, центр внутри Компартии, внутри Советов, внутри армии и в других структурах. Министры внутренних дел и КГБ. Точно так же, как я твердо знаю, что в рамках любого политического движения есть более или менее образованные, честные и порядочные люди.

Насколько я понимаю, Горбачев сейчас ориентируется на «команду» стабилизации. Но раньше или позже ему придется пополнить ее «командой» реформаторов, иначе никакого продвижения вперед — ни в стратегической мысли, ни в разумной экономической и политической стратегии, ни в экономических и политических решениях — не будет.

Г. Крючков пишет, что по содержанию идея социальная демократия мало чем отличается от платформ демократического социализма. В чем-то это верно, но во многом нет. Верно потому, что сама идея парламентаризма, рынка, правового государства, гражданского общества, собственно, и выдвинута представителями течения реформаторов. Неверно потому, что правые и левые экстремисты лишь формально подхватили ее: слова — те же, дела — разные. Главное, что отличает экстремистов от социальной демократии, — это кровь, жажда насилия, откуда бы она ни исхо-

Федор БУРАЦКИЙ

КОММУНИЗМ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

По поводу одной публикации «Правды»

дила — сверху или снизу. Если экстремисты «сверху» готовы использовать бюрократию и армию, то экстремисты «снизу» — бунт и жидитовскую. В этом крайности снова сходятся, как в 1917 году. И в этом — угроза военной или социальной диктатуры.

Пускай реконструкция всей системы, всего психологического состояния людей в стране потребует 20—30 лет, но идти надо, опираясь на здравый смысл, на профессиональные решения, а не рассчитывать на шокотерапию или новый большевистский переворот.

Самое ужасное, что пришло к нам еще от революционного XIX века, было заключено в словах: дело, прочно, когда под ним струится кровь! Четыре поколения России стали жертвами такой диктатуры мысли. Пора это осознать и отбросить навеки, раз и навсегда. Только структурные реформы, опирающиеся на волю народа, могут привести нас к современной цивилизованной жизни. Вот в чем мы решительно расходимся с любыми экстремистами.

Но вот что попросту не знают люди, подобные Г. Крючкову: эволюция нашей идеологии началась давным-давно. И не знают потому, что в нашей учебнике да и в партийной пропаганде наша идеология нередко напоминала матрешку, которую продают за доллары на Арбате. Сверху Маркс, внутри Ленин, еще глубже Сталин, затем Хрущев, Брежнев и, наконец, в самом глубине — Горбачев. Поэтому пора определиться и сделать это неспешно и открыто, без трусливого отлагания на высокие авторитеты вчерашнего дня. Иначе Компартия полностью потеряет свое духовное влияние в обществе.

НУЖЕН ЛИ НАМ ЛЕНИНСКИЙ РЕНЕССАНС?

Г. Крючков привел большую цитату из моей статьи о Ленине, но вырвал ее из контекста и не показал, для чего она была написана. Я ставил задачу, чтобы читатель увидел, что целью было опровержение на Ленина, чтобы доказать необходимость глубокой реформы в духе здравого. И опубликовано это было — заметьте — еще в брежневские времена. Вот эта выдержка.

Представим себе обстановку тех лет. Только что закончилась гражданская война, экономика в состоянии упадка, нищета, приобрела размеры, познанные неслыханными, демократизация захватывала самые широкие мелкобуржуазные слои и даже затронула в какой-то степени пролетариат. Жесткое регламентирование хозяйственной практики — характерное для военного коммунизма — пришло во все большее сопротивление и разрыв с народом, хозяйством, с жизненными интересами трудящихся масс.

Остаток статьи, как и путь, не имеет значения.

Лучшие умы в партии по главе с Лениным почувствовали бесперспективность и гибельность продолжения по старому пути. Ленин показал, что навести порядок в хозяйственной жизни можно не поимкой, а на основе экономических реформ, не вводя принудительности труда, а опираясь на материальную заинтересованность, высокую ответственность и сознательную дисциплину людей, не игнорируя массу, а развивая ее самостоятельность.

Ленинское искусство политического поворота предполагает прежде всего умение смело отбросить в мусорный бак факты жизни, реалистически оценить ситуацию. Затем решительный отказ от не оправдавших себя методов и выработка новой концепции строительства, преобразования. И, наконец, умение опираться на подлинно зрелую, адекватную курсу.

Действительно, в заключение эту статью в книгу «Новое мышление» изданию 1989 г. чтобы показать, каким путем шло созидание реформаторских идей.

В период первой реформации многие из нас следовали за Хрущевым, были убеждены, что вернемся к Ленину — и все пойдет путем. В этом был лафет всего сарматского доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Не случайно Хрущев не воспринимал замечания Г. Бурацкого, дело не в том, что Сталин, а во всей системе, которую он породил.

Все эти колебания были в идейном плане так или иначе связаны с иллюзиями ленинского ренессанса, присущими поколению 60-х годов. Если бы не менялись на наших глазах — от ядерной бомбы и космических полетов до 40-часовой рабочей недели и выплаты пособия по безработице в странах Запада, — а мы продолжали оглядываться на далекое прошлое. Это побуждало меня провести свое исследование ленинизма. Я опубликовал его результаты еще в 1970 году в объемистой книге «Ленин. Государство. Политика».

Ленин, конечно, был великим политическим деятелем. Шутное ли дело, создать партию и захватить власть в одном из самых могучих империй на земле. И отстоять эту власть в самой жестокой гражданской войне. Но в чем я уверен, его объективная роль в истории была вовсе не в том, что принято думать. Она — независимо от его желания — выразилась в спасении империи от распада, а не в построении коммунизма. Видите, как Ленин начинал революцию. Вы помните, как убежденно он обещал коммунистам: вы будете жить при коммунизме! И что же? Где этот коммунизм? Я полагаю, что даже Г. Крючков не может коммунизма сказать своим детям. Как же можно не видеть этой реальности? Не понимать, что попытка осуществить коммунистическую идею обошлась в сотни миллионов загубленных судеб.

Потому мне смешно и грустно читать у Г. Крючкова о «перевертывши». Так могут писать только люди, которые не изучили Ленина по «Краткому курсу ВКП(б)» и сами никогда серьезно не размышляли над проблемами теории. Можно ли считать, что Колерник был глупцом только потому, что потом выявилась космогоническая теория Ньютона, что Ньютон был ничтожеством, поскольку не знал теории относительности Эйнштейна? Маркс и его ученики Ленин представляли один из этапов в развитии человеческой мысли, но только неведомо могут думать, что на этом ее развитие завершилось. Историю тем более необходимо в оценке крупных политических фигур. Англичане после смерти вождя их революции Кроулевы выкапывали его труп и повесили в окне здания парламента на Палатке, а не тем же, как они поставили ему памятник.

Другое дело — ленинский ренессанс, возвращение истории к Ленину. Нет, дважды в одну и ту же воду. И это не абстрактный спор, а острая проблема политики сегодняшнего дня. Я уже отмечал в статье «Альтернатива» нашей политической системы (БЗМ), что только насилием в сердцах наших людей, это А. И. Лукьянов, пытался ку все так или иначе поддался иллюзиям прошлого.

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОМ?

Мои исследования привели меня к выводу, что сам Ленин продал оппортунистическую идею в своем изложении. При этом нетрудно заметить, что он был

как раз по направлению к социализму и к социал-демократизму. «Призраки бродят по Европе» — призраки коммунизма — этими словами начинался знаменитый коммунистический манифест. Этот «призрак» включал в себя довольно ясно очерченный символ веры, насильственная мировая революция; отмена частной собственности и товарного хозяйства; ликвидация парламентских институтов и установление диктатуры пролетариата; отмирание классов и государства и т. д.

Известно, что уже Энгельс в конце своей жизни в противовес заблуждениям своей юности утверждал, что парламентская республика является специфической формой власти рабочего класса, и обосновал возможность мирного, парламентского пути к новому обществу.

Вот почему в конце XIX века в рабочем движении стали появляться партии, которые называли себя не коммунистическими, а социал-демократическими. Вот почему и сама рабочая партия в России была названа социал-демократической. И если сейчас обратиться к первой программе этой партии, то можно с удивлением обнаружить, как много в ней идей и принципов, практически установок, и которыми мы — коммунисты или бесхозяйственно — возмущаемся только сейчас. Это и идея парламентской республики и различные формы собственности и рабочего контроля, и личная свобода и многое другое.

Однако в период между февралем и октябрём 1917 года и в особенности последовавшие после переворота гражданской войны Ленин продал обратную идеологию. По его предложению в 1918 году наша партия была переименована в коммунистическую. Тогда был сделан печально известный шаг: от большевистской скакани к военному коммунизму, который поставил страну на грань полного разорения и одичания. Ликвидация товарного хозяйства, практика отмены денег, массовые репрессии не только в отношении предпринимателей, но и крестьян, продиктованные войной, полуголодная диктатура с расстрелами на месте — словом, целый набор атрибутов, которые связывались с прежней коммунистической идеологией.

Однако после завершения гражданской войны, после крушения надежды на мировую революцию наступил новый — и важнейший — этап эволюции ленинских взглядов. И на этот раз самый решительный поворот от коммунистической идеологии к социализму. В первые дни перестройки я привел в одной из своих статей высказывание Ленина о том, что «мы вынуждены признать коренную перемену во всем зрении нашей на социализм». После этого мы стали лихорадочно называть ленинскими крупными партийными деятелями допризыва, где и отсылал эту «важную цитату». Между тем была она прямо под рукой — в одной из последних работ Ленина — «О кооперации». Ленин вернулся тогда и ко многим другим социал-демократическим идеям: о смешанном хозяйстве, о культурном плюрализме, о частном владении зем-

лей, о добровольных кооперативах по моделям, которые он видел в Швеции, Англии и в других странах Запада. Ленин только начал осуществлять свои новые взгляды на социализм, однако Сталин или само Провидение превратили в самом зародыше этот процесс.

НАШИ ОШИБКИ

Почему я об этом вспоминаю? Потому, что эти дискуссии не утратили актуальности и сейчас. Например, вопрос о политической системе. Накануне XIX партконференции столкнулись два подхода по поводу путей демократизации. Традиционный — вернуться к Ленину, к Конституции СССР 1924 г. и общечеловеческим — использовать мировой опыт парламентаризма и муниципалистской власти (это предлагал я и другие специалисты). Вначале за основу взяли первый, а не второй путь: ленинскую идею о полновластии Советов и отрицание разделения властей.

Между тем в разделение властей по горизонтали — между парламентом, правительством (президентом), судом и по вертикали — между общенациональным парламентом, республиканской властью (где она имеется) и муниципальной — вся суть представительной демократии XX века. Абсолютная власть принадлежит только народу, и он распределяет ее посредством выборов между различными институтами, которые ограничивают друг друга и выполняют строго определенные функции.

Что получилось в итоге — все знают. Каждый Совет, вплоть до районного, желает стать абсолютным сувереном, никому не подчиняется, а нередко и всемогущим. Даже такой демократ, как А. А. Собчак, взорвался в конце концов от такой неразберихи, как впрочем, и Г. Х. Попов, и С. Б. Станкевич.

Сейчас проблема не в том, что временно даны большие полномочия президенту. Проблема в том, что Верховный Совет все больше утрачивает самостоятельность и не поправляет ошибок, например, в отношении бюджетов или в решении национальных конфликтов. Вот уже год Комитет по международным делам ВС добивается утверждения Закона о выходе из СССР в первом чтении. Но Президент ВС даже не ставит эту на обсуждение. Тут как тут и Верховный Совет СССР, который не имеет полномочий по изменению Конституции. Кстати, хорошо, что кабинет министров будет расположен за пределами Кремля. Но и Верховный Совет СССР и аппарат президента также должны быть разведены территориально как это принято во всех парламентских республиках.

Я всегда выступал против создания такого громоздкого и нерационального учреждения, как Съезд народных депутатов СССР (более двух тысяч депутатов по модели 1924 года). И сейчас убежден: чем реже его будут созывать до конца сроков полномочий, тем лучше. Этот институт показал себя с одной стороны, как полуавтономный, утверждающий любые заранее подготовленные решения, а с другой — как «чужокое тело» в обществе. Чем больше людей в политическом учреждении, тем легче им манипулировать — это показал опыт всех парламентарных государств.

Итак, сами видите, уже отстали на вопросы: что такое социализм — социалистическую или общечеловеческую демократию? Соцтемы развиваются именно в направлении к профессиональному парламентаризму и надо окончательно сделать свои выборы отбросив ностальгию по «благополучным» 20-м годам.

Или другой важнейший вопрос — о частном владении. Вспоминается еще раз в словах основателя социализма Маркса Горького: «Мы — социалисты. Значит, что мы праги частной собственности. Разве что не вошло в собственность, не стало менталитетом почти каждого человека в нашей стране?»

Частная собственность — огородное пугало, перед которым пасуют даже крупные политические умы. За ней как будто бы скрываются только интересы небольшой кучки миллионеров. Но это убеждение — не истина. Частная собственность — это практически у каждого человека — начиная от ребенка, который несет в ранце свои книги, рабочий, который имеет право на личную оплату своего труда, на пенсию на старости, на сбережения, интеллектуала — на его книги, написанные картины, музыкальные произведения.

У нас же до сих пор господствует образное представление. Собственность — это то, что принадлежит человеку как личному, которая обозначена как личная, находится по-прежнему в распоряжении государства. Заставило государство отнять 50- и 100-рублевки — отнимать заморозить вклады, представляющие собой трудовые накопления многих десятилетий, — замораживать. Заставило завтра мобилизовать автомашину, находящуюся в личном владении, для каких-нибудь чрезвычайных нужд — отнимет. Никто и не пишет — это норма, это ведь для государства для великих его целей. Такое представление о собственности восходит к крепостническим временам. Все мы — слуги государства.

Общечеловеческий взгляд противоположен этому. То, что человек заработал, принадлежит ему самому. Вот рыночный принцип частной собственности. Общество, отрицающее этот принцип, не знает ни инстинктивно, ни сознательно, ни гарантируя гражданских и политических прав. Другое дело, что социал-демократизм отвергает концентрацию огромной собственности у узкой группы людей и добивается, прежде всего, использование прогрессивных налогов, перераспределение собственности в пользу малоимущих бедных слоев, особенно пенсионеров и безработных.

НА ПОЛУПУТИ

К СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЗМУ

В программном заявлении, принятом на XXVIII съезде социализма, даже не упоминается слово «коммунизм». На протяжении всего лишь более трех лет после этого съезда были отвергнуты три столпа государственного социализма: тотальная государственная собственность; однопартийное руководство; господство одной марксистско-ленинской идеологии. Однако борьба за практическое осуществление этих идей не только не прекратилась, а, напротив, разгорелась с новой силой, поскольку перестройка затронула интересы как правящей элиты, так и многих слоев общества, которые нашли себе удобное место в рамках существовавшей системы. С этим связаны пеленги и коммунистический переходный период.

Выходит ли Компартия? Опыт показал, что это не праздный вопрос — прежде всего опыт восточноевропейских государств, а затем многих республик в нашей стране. Компартия может сохранить свои позиции в качестве одной из ведущих сил в политическом процессе, только если она на деле, а не на словах обновит свою программу, организационную структуру, формы деятельности.

Консервативные силы в партии предполагают, что она может выжить и укрепить свое влияние, опираясь на силу. Такой соблазн действительно существует. В Верховном Совете более 80 процентов членов принадлежит к Компартии, в Верховном Совете РСФСР — больше половины, примерно такое же положение еще в девяти республиках. Наказов бы, очень просто: опереться на дисциплину, обязать всех коммунистов дружно голосовать за принимаемые решения — и все встанет на место.

Однако уже сейчас коммунисты в меньшинстве в Советах ряда республик. Но не это главное. Главное — постоянная эрозия духовного влияния в обществе. Авторитет и популярность партии стремительно идут вниз. Поэтому в перспективе она будет стоять перед дилеммой: либо проиграть следующие выборы, либо отменить демократию и вернуться к старым формам авторитарного руководства. Последнее привело бы к крушению реформ, полной стагнации, экономической застойности, падению жизненного уровня населения и окончательно отбросило бы нашу страну на самые дальние заборы технологической цивилизации — не только в сравнении с Азией, но и в сравнении с Африкой. Значит, только обновление — идеологии и политики может дать стимул для развития партии.

Один из наших собеседников по трилогу, чье мнение я глубоко уважаю, С. С. Шаталов высказал сомнение в том, что можно еще, что-то сделать внутри этой партии. А через несколько дней после публикации нашей статьи он вышел из состава партии, правда, в результате несправедливого давления, которому подвергся на последнем пленуме ЦК КПСС. Что касается меня, то я как и С. С. Алексеев, полагаю, что необходимо предпринять дальнейшие усилия по преобразованию партии, и надеюсь, что это все еще возможно.

Конечно, подобно тому, как вера христиан или магометане в каинство — вечный идеал, который может наступить или не наступить — перспектива или не перспектива, когда не будет ни государственной власти, ни денег, ни социальных групп, ни преступников, когда появятся какие-то новые человеческие существа, лишённые всех пороков и слабостей. Однако теперь уже совершенно глупо руководствоваться такими идеями в политике. Особенно опасна коммунистическая вера в насилие как метод достижения этого далекого идеала.

Всем этим и объясняется наше предложение — дальнейшее продвижение по пути социальной демократии. Это течение отличается не только от коммунистического идеала, но и от национального социализма, сепаратизма, а тем более популизма и анархизма. Конечно, социал-демократическая идея, особенно в случае противоборства с высшей эшелонами партийной иерархии, может вначале быть подожжена, но меньшинством КПСС партии и меньшинством в Верховном Совете и в Верховном Совете РСФСР не противостоят устоявшемуся порядку и течению. Это невозможно отрицать, несмотря на все негодование Г. Крючкова. Еще раз хочу подчеркнуть свое мнение о том, что такое течение не претендует на какую-то власть, а только на идеальное влияние, которое содействовало бы обновлению самой партии и всего духовного климата в стране.

Р. Ч. Два слова о себе, чтобы у читателей не создавалось ложного впечатления о моем биографии. Видно, Г. Крючков именно меня имеет в виду, когда пишет о «матером аппарате». Действительно, я работал в аппарате ЦК КПСС с 1960 по февраль 1963 г. Но, на самом деле, я был единственным человеком в аппарате, который поставил вопрос об уходе своего поста за заведующего подготовкой одного из отделов ЦК КПСС в знак протеста против освобождения Хрущева от поста и назначения. Я тогда представлял себе, что в тот момент обстановка была совсем не такая, как сейчас, когда выход из партии во многих случаях приносит дивиденды. Я пошел на это, зная о возможных последствиях, которые бы замедлили, а не ускорили. Хотел быть услышанным. Хотел, чтобы Г. Крючкова и в другом отношении. Он заведует тому, что я был «все время на плаву». Нет, это не так. Времена не забыл, но не забыл и мои обязанности. По его инициативе меня трижды снимали с силовых постов, которые я занимал. Первый раз в 1967 году с поста политического обозревателя «Правды» за публикацию весте с Л. Карпинским статьи против методов руководства кулуарной, а второй раз в 1972 году за заместителя директора Института неинтересных социальных исследований АН СССР за попытку исследования реальных проблем общества, что шокировалось «научным коммунизмом»; третий раз в 1973 году с поста заведующего сектором в Институте государства и права АН СССР за попытку обоснования политической науки. Я делал то, что бы жаловаться на судьбу, — многие критические и юмористические статьи я находил в опале. Я работал за пределами партии, находясь в тюрьме или же в эмиграции. Но не в находился в опале. Многие годы без права выезда за границу и публикации своих статей в периодической печати, и только после смерти Брежнева получил возможность вернуться в журналистскую среду.

И последнее. О тоне и стиле публикации моих примечаний к статье товарища — ученых и журналиста та же слова: «новоявленные пророки», «матерый аппаратчик», «перевертывши». Это не просто очень неграмотно, дорогие коллеги! Но это — и слову...

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ДРАМЫ

ШЛО ОБЫЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ. НО НАЧАЛЬНИК УВД САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЖДАЛ ПОКУШЕНИЯ...

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ УТРОМ, на пятый день моей командировки. А в середине дня весь Саратов уже знал: начальник областного УВД генерал Шинкаренко выставил за дверь из зала коллегий начальника городского УВД полковника Косыгина. Как нашкодившего мальчишку. За то, что посмел написать о делах саратовской милиции в Москву — так, во всяком случае, думал, поднимаясь по широкой лестнице в кабинет генерала. Но меня ждал сюрприз.

— Вести совещание под дулом пистолета? — воскликнул генерал. — Вы бы взяли на себя такую смелость? Ведь он мог меня расстрелять. Я не поверил бы своим ушам, если бы не записал этот разговор на диктофон. Оказавшись в саратовском МБД и в «Литгазете», в этот день покушался на жизнь своего начальника. Как? Пришел на коллегий с табельным оружием, то есть с пистолетом. Нет, из кобуры не доставал, но пиджак-то на боку отпорхивался. И по глазам видно, что в голове бродят террористические мысли. Словом, генерал упрямый покушение — выставил Косыгина за дверь и распорядился разоружить.

— Ну ладно, я уже старик, мне 57 лет, — обреченно продолжал Виталий Иванович Шинкаренко. — Но там же сидели мои молодые замы! Да и у меня все-таки трое детей, внуки.

— Вы это серьезно? — Я серьезно. Мы его удалили, чтоб стрелять не было.

Вот такие отношения в Саратовском УВД. Это ж сколько отаков нужно, чтобы продолжать руководить им, ожидая от подчиненных пулю в лоб! Да тут никаких нервов не хватит. И словено, в подтверждение Виталий Иванович эффектным жестом плеснул в стакан воды — запить таблетку. Потом прослушавшая запись двух бесед, вспоминаю, как он картинно рассказывал по телефону, как сурово распекал кого-то по внутреннему каналу, я не мог отвести от ощущения, будто побывал на любовном спектакле, где актер-дилетант из всех сил пытался сыграть трагедию, а получался фарс. Хотя подлинная фабула происшедшего вполне такова была.

О фабуле чуть позже. А пока послушаем Виталия Ивановича. Он рассказывает, как работает — с рассвета до глубокой ночи, и у него срывается: «Сплю не больше 3 часов». Оговорился! Приказываю! Переспрашиваю. Упорно повторяю. Крайне доволен впечатлением. Не отрицаете ли на здоровье? Объясняет: секрет в спорте. Четыре раза в неделю — волейбол, два оазиса — баскетбол. Мало того — нередко генерал едет в 2—3 часа ночи объезжать городские райотделы милиции.

С ума сойти, какая нагрузка! Так мне кажется, не долго и нервы в конце расшатать. А что если сцена с таблетками и ожидание стрельбы в зале коллегий не инсценировка, а результат болезненной мнительности? Ведь если у человека идея-фикс, то можно довести себя до состояния, когда каждый милиционер с кобуры покажется террористом. Как же тогда работать-то, Виталий Иванович?

Но одной цели генерал достиг — о его ночных проверках ходят легенды. Рассказывают, нагрянул в один райотдел в 3-м часу ночи, а там дежурный грустный — с жильем проблемы. «Зайди завтра», — велел генерал. И на следующий день вручил ему ордер. Спрашиваю было? Подтверждает. Как удачно! Просто: позвонил городским властям, те дали из своих фондов — под обещание потом, когда очеред-

ки из УВД будут получать, вернуть должок. То есть у одного бездомного отнял, другому дал. Зато разговор о генеральной доброте скользил.

Интересуюсь: почему все-таки проговорился? — Дню человека, чтоб тебе не оторвалось, — поясняет. Да, пожалуй. Недаром же практиковались когда-то ночные допросы: «С дежурными в это время можно поговорить», — продолжает В. И. Шинкаренко. — Они мне все рассказывают: так и так, товарищ генерал, в горуправлении милиции нездоровая обстановка... Ах, вот оно что, и тут замешан Косыгин. Чем же досадил он областному начальству?

САМ КОСЫГИН считает: причина — в его несговорчивости. Вот пример. Нашла милиция три подпольных цеха, где бутылки заливали коньячным спиртом, позвонила в Азербайджан, а завладевателями, дождавшись с фабричным отпуском, мол, между прочим, дело. Когда расследования шло и завершению, выяснилось: нанесенный ущерб более 500 тысяч рублей. В этот промисел были втянуты десятки людей.

Вела дело городская милиция вместе с московскими следователями. Это почему-то очень беспокоило милицию областную. Косыгину зевонки, кого допросили? кто на оверед? А тут еще уличка информации: только собрались расследовать в один магазин, как обнаружилось — там предупреждения. Кем? А на очередной коллегий В. И. Шинкаренко поинтересовался у Косыгина, не слышим ли он торопится с арестами. Косыгин ответил, что в полном соответствии с законом по этому делу можно арестовать второе больше. И добавил: он, Косыгин, просит ему не мешать. Ответ не отличался любезностью.

Но более всего не угодил он руководству из-за того, что не понимает намеков. Ему не раз давали понять — недавно назначенный для его зама, Рогачев и Гранкин обещаны особым доверием областного начальства, распорядился Косыгин продолжать с ним спрашивать как с подчиненных. Будто не видел, что оба — один в обкоме партии у секретаря Анфиногенова, другой в областном УВД у Шинкаренко — бываю чаще, чем в его кабинете. Мог ли тут не возникнуть конфликт?

Как-то Косыгин в служебной «Волге», оснащенной радиосвязью, услышал, когда ехал по городу, настойчивый голос Гранкина: «Я сорок второй. Вызываю «Бордо». Последовало напористое выяснение — куда подевалась машина со стройматериалами. Наверное, подумал Косыгин, Гранкин взялся ускорить строительство милицисского общежития. Догадался по дороге, что сиринком и блоками, но сферули они совсем к другому объекту — к недостроенному коттеджу товарища Гранкина. Этот эпизод был лишь частью целого: как выяснил Косыгин, его зам превратил свой кабинет в штаб по возведению не только собственного объекта.

С Рогачевым еще сложнее. За ним с прежних мест службы тянулся шлейф сомнительных дел. Его понизили по службе по чьей-то заботливости рука помогла ему после шага назад делать два шага вперед. Впрочем, сам он не скрывал, чья рука. Подкапывал, бывало, к горуправлению на машине секретаря обкома Анфиногенова, курящегося

правоохранительные органы. Не потому ли не стеснялся Рогачев перепродавать машины, а на строительстве собственной дачи, как сказал мне сам Шинкаренко, использовать подчиненных ему милиционеров? И как должен был отреагировать Косыгин на извешное предложение областного УВД присвоить Рогачеву досрочно новое звание? Конечно, наотрез отказался. На другой же день к нему в кабинет зашел сам Рогачев: «С вами разговор был?» — «Был». — «Ну и почему не пишите предостережения?» — «Оснований нет». — «А, так! Ну, смотри!» — И он хлопнул дверью. Пустая угроза?

Представьте: в области тревожная обстановка, милиционеров не хватает, а коллегия областного УВД решает проблему Косыгина с двумя замами. Для изучения этого вопроса создается комиссия из 12 полковников. Почти месяц они трудятся в поте лица — всех опрашивают. Затем выполняют поручение генерала — проводят анонимное анкетирование. Начальники глазами подчиненных. А чтоб расправа не очень была заметна, в анкету, кроме Косыгина, ввели всех четверых его зама. Стопроцентно верили — надоев Косы-

А вот ближайший коллега Косыгина говорил о нем определенно: «Профессионал. Работает». Его заместитель в административной части В. С. Гурьев, правящий комиссаром и набравший по три анкеты самый высокий рейтинг, дал Александру Михайловичу такую характеристику: «...Он работает чистыми руками».

Вот главный критерий, по которому кувал сегодня о деловых качествах человека — чистые руки. А значит — чистая совесть. Неспособность ловить и угодить в глазах приспосабливается и угодать. В длинном письме в редакцию, написанном жестким языком репорта, покаяния Косыгин так определяет исток своего конфликта: «Дело в том, что я никогда не перед кем не заискивал, не прогибался, не боялся говорить правду».

Никто его не оставил в покое после этого. Оскальзывающиеся зама Рогачев и Гранкин делали вид, что ничего не произошло. Зато информация о каждом шаге Косыгина стала исправно поступать наверх. Был случай — он срочно явился в больницу, и тут же ушел. Находясь в больнице, Косыгин злоупотребил. Немедленно по поручению ге-

о его конфликтах с начальством. Именно сейчас уполномочен могут попытаться расквитаться с ним, надеясь, что искать будут не очень старательно. И однажды полковник взял с собой табельное оружие.

В Саратове я оказался уже после комиссии российского МВД. По ее инициативе Шинкаренко вынужден был освободить Рогачева от должности. А вот Гранкина я еще застал и попросил его объяснить происшедшее. Все дело в том, сказал он, что они оба — Рогачев и Гранкин — пользуются у областного руководства большим, чем Косыгин авторитетом. Это вызывает у Александра Михайловича чувство ревности...

— На ваш взгляд это все правда?

— Уверен, — подтверждает Гранкин — о чем-то подумав, добавляет: — Но если рассуждать философски, то есть два понятия: правда и истина. Правда — это субъективное отражение фактов, а истина — объективное, научное. Они не всегда совпадают.

Замечательное уточнение! Теперь я понимаю, как можно философски оправдать самое наглое вранье. Нужно только объяснить его субъективным отражением фактов. Вот я читаю в саратовской газете «Коммунист» о пребывании Гранкина в Афганистане: электрически выключатель с душной мимикой-скрипом был на стене... Взрыва

газет! Почему целая область должна подвергаться риску оказаться в состоянии хаоса из-за какого-либо вздорного решения руководителя с неустойчивой психикой?

Представьте на минуту: в воспаленном воображении генерала возникает подозрение, что городская милиция намеревается совершить вооруженно-милитаристский путч. Что тогда? Виталий Иванович, чтобы предупредить события, объявит в Саратове чрезвычайное положение? Поднимет на ноги внутренние войска? Произведет массовые аресты? Разошлет телеграммы в соседние области с просьбой одолжить сотню батальонов? Захватит радиотелецентр, облизком, обком и горуправление внутренних дел вместе с ненавистным ему Косыгиным? И заперет Москву: враги обезврежены, на какой десопал их, гадов, послать? А может сразу к стенке?

Я знаю: редактор, на чей стол попадает этот материал, наверняка попытается вычеркнуть предыдущий абзац, сказав: «Это чересчур. Какие у автора основания такое предполагать?» Я скажу об основаниях: в прошлом году на первомайской демонстрации в Саратове курсантами училища МВД и милиционерами была остановлена колонна представителей новых общественных организаций. Причина? «Они вклинились — объяснил мне В. Шинкаренко. — между трудящимися Кировского и Ленинского районов. Они вклились...» Ну, вклились бы и прошли... «Но есть же у нас инструкции! По строго установленному графику пропускать... Все же на моих глазах...» — Депутат Прокурорских рассказывал мне, как его били. — «Они сами налетели...» Так генерал объяснил спровоцированное им же столкновение. Трещала одежда, падали люди, кричали женщины и дети, сочилась из ссадин кровь, но совесть генерала спокойна: «Сами налетели».

Мы и без того живем в неспокойное время. Социальные взрывы возможны от одной искры. А тут человек, одержимый маниакальной страстью удерживать взрывы с помощью подожженного бикфордова шнура. Так что будем делать — уговаривать его? А может быть, просто отобрать спички?

Р. С. В день отъезда мне позвонил в гостиницу В. П. Гранкин. Зачем-то спрашивал, откуда я родом. Потом — еще звонок. Сын генерала. Заявил что никогда не был в вытрезителе. Подчеркнул: никогда! Пауза. Опять звонок. Хрип в трубку: «Гаманюнов! Мотай отсюда. Или — гроб заказывай. Лучше цинковый!» И — короткие гудки. Уезжал — думал: а Косыгину советовать то же самое. Странное совпадение, не правда ли Виталий Иванович?

САРАТОВ — МОСКВА

ОПЯТЬ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ?..

ОПУБЛИКОВАН ПРОЕКТ ОСНОВ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЙ ПРЕДСТОИТ РАССМОТРЕТЬ ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ СССР. ОТДЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ В НЕМ ПОСВЯЩЕН АВТОРСКОМУ ПРАВУ. ПО ПРОСЬБЕ ПРАВОВОЙ КОМИССИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ЕГО КОММЕНТИРУЕТ НАЧАЛЬНИК ДОГОВОРНО-ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ВААП БОРИС КОКИН:

— Превращение этого проекта Основ в закон, боюсь, дело весьма отдаленного будущего. Предстоит учесть замечания всех республик, и многие положения 134 предлагаемых статей, несомненно вызовут острую дискуссию, тогда как в статьях, которые относятся к делу о нарушении прав, можно согласовать в кратчайшие сроки.

Вряд ли кому надо доказывать: советское авторское право нуждается в скорейшем обновлении. Интересы авторов у нас защищались явно недостаточно. Действующий закон допускает свободу (без согласия автора и без уплаты вознаграждения) использование на телевидении и радио текстов произведений, которые уже опубликованы. Не охраняются до сих пор права исполнителей и режиссеров. Требуется, скажем, пеще не показывать (по какому угодно причине) на телеэкране запись его исполнения, не имеет юридической базы и, строго говоря, может быть игнорировано.

Новому законодательству предстоит устранить подобные дефекты и полностью соответствовать международным нормам, в частности Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. Римской конвенции по охране прав артистов-исполнителей... Увы, опубликованный пока отступает от условий, в них содержащихся, о чем хорошо знают специалисты, и трудно понять, как это могло произойти.

Если принятие Основ гражданского законодательства будет откладываться, может, надо вернуться к идее общесоюзного закона об авторском праве? Напомним: в «Парижской хартии для новой Европы», подписанной от имени СССР президентом страны, 21 ноября 1990 г., провозглашен «более широкий обмен в сфере музыки, театра, литературы и искусства». Однако такой обмен предполагает взаимное соблюдение авторских прав, предусмотренных международными соглашениями, и нам необходимо «подтянуть» свое законодательство к конвенционному уровню. Иначе обязательство, которое мы сами добровольно на себя взяли, останется невыполненным.

Игорь ГАМАЮНОВ

ГЕНЕРАЛ В ОЖИДАНИИ ВЫСТРЕЛА

Вела дело городская милиция вместе с московскими следователями. Это почему-то очень беспокоило милицию областную. Косыгину зевонки, кого допросили? кто на оверед? А тут еще уличка информации: только собрались расследовать в один магазин, как обнаружилось — там предупреждения. Кем? А на очередной коллегий В. И. Шинкаренко поинтересовался у Косыгина, не слышим ли он торопится с арестами. Косыгин ответил, что в полном соответствии с законом по этому делу можно арестовать второе больше. И добавил: он, Косыгин, просит ему не мешать. Ответ не отличался любезностью.

Но более всего не угодил он руководству из-за того, что не понимает намеков. Ему не раз давали понять — недавно назначенный для его зама, Рогачев и Гранкин обещаны особым доверием областного начальства, распорядился Косыгин продолжать с ним спрашивать как с подчиненных. Будто не видел, что оба — один в обкоме партии у секретаря Анфиногенова, другой в областном УВД у Шинкаренко — бываю чаще, чем в его кабинете. Мог ли тут не возникнуть конфликт?

Как-то Косыгин в служебной «Волге», оснащенной радиосвязью, услышал, когда ехал по городу, настойчивый голос Гранкина: «Я сорок второй. Вызываю «Бордо». Последовало напористое выяснение — куда подевалась машина со стройматериалами. Наверное, подумал Косыгин, Гранкин взялся ускорить строительство милицисского общежития. Догадался по дороге, что сиринком и блоками, но сферули они совсем к другому объекту — к недостроенному коттеджу товарища Гранкина. Этот эпизод был лишь частью целого: как выяснил Косыгин, его зам превратил свой кабинет в штаб по возведению не только собственного объекта.

С Рогачевым еще сложнее. За ним с прежних мест службы тянулся шлейф сомнительных дел. Его понизили по службе по чьей-то заботливости рука помогла ему после шага назад делать два шага вперед. Впрочем, сам он не скрывал, чья рука. Подкапывал, бывало, к горуправлению на машине секретаря обкома Анфиногенова, курящегося

правоохранительные органы. Не потому ли не стеснялся Рогачев перепродавать машины, а на строительстве собственной дачи, как сказал мне сам Шинкаренко, использовать подчиненных ему милиционеров? И как должен был отреагировать Косыгин на извешное предложение областного УВД присвоить Рогачеву досрочно новое звание? Конечно, наотрез отказался. На другой же день к нему в кабинет зашел сам Рогачев: «С вами разговор был?» — «Был». — «Ну и почему не пишите предостережения?» — «Оснований нет». — «А, так! Ну, смотри!» — И он хлопнул дверью. Пустая угроза?

Представьте: в области тревожная обстановка, милиционеров не хватает, а коллегия областного УВД решает проблему Косыгина с двумя замами. Для изучения этого вопроса создается комиссия из 12 полковников. Почти месяц они трудятся в поте лица — всех опрашивают. Затем выполняют поручение генерала — проводят анонимное анкетирование. Начальники глазами подчиненных. А чтоб расправа не очень была заметна, в анкету, кроме Косыгина, ввели всех четверых его зама. Стопроцентно верили — надоев Косы-

А вот ближайший коллега Косыгина говорил о нем определенно: «Профессионал. Работает». Его заместитель в административной части В. С. Гурьев, правящий комиссаром и набравший по три анкеты самый высокий рейтинг, дал Александру Михайловичу такую характеристику: «...Он работает чистыми руками».

Вот главный критерий, по которому кувал сегодня о деловых качествах человека — чистые руки. А значит — чистая совесть. Неспособность ловить и угодить в глазах приспосабливается и угодать. В длинном письме в редакцию, написанном жестким языком репорта, покаяния Косыгин так определяет исток своего конфликта: «Дело в том, что я никогда не перед кем не заискивал, не прогибался, не боялся говорить правду».

Никто его не оставил в покое после этого. Оскальзывающиеся зама Рогачев и Гранкин делали вид, что ничего не произошло. Зато информация о каждом шаге Косыгина стала исправно поступать наверх. Был случай — он срочно явился в больницу, и тут же ушел. Находясь в больнице, Косыгин злоупотребил. Немедленно по поручению ге-

о его конфликтах с начальством. Именно сейчас уполномочен могут попытаться расквитаться с ним, надеясь, что искать будут не очень старательно. И однажды полковник взял с собой табельное оружие.

В Саратове я оказался уже после комиссии российского МВД. По ее инициативе Шинкаренко вынужден был освободить Рогачева от должности. А вот Гранкина я еще застал и попросил его объяснить происшедшее. Все дело в том, сказал он, что они оба — Рогачев и Гранкин — пользуются у областного руководства большим, чем Косыгин авторитетом. Это вызывает у Александра Михайловича чувство ревности...

— На ваш взгляд это все правда?

— Уверен, — подтверждает Гранкин — о чем-то подумав, добавляет: — Но если рассуждать философски, то есть два понятия: правда и истина. Правда — это субъективное отражение фактов, а истина — объективное, научное. Они не всегда совпадают.

Замечательное уточнение! Теперь я понимаю, как можно философски оправдать самое наглое вранье. Нужно только объяснить его субъективным отражением фактов. Вот я читаю в саратовской газете «Коммунист» о пребывании Гранкина в Афганистане: электрически выключатель с душной мимикой-скрипом был на стене... Взрыва

газет! Почему целая область должна подвергаться риску оказаться в состоянии хаоса из-за какого-либо вздорного решения руководителя с неустойчивой психикой?

Представьте на минуту: в воспаленном воображении генерала возникает подозрение, что городская милиция намеревается совершить вооруженно-милитаристский путч. Что тогда? Виталий Иванович, чтобы предупредить события, объявит в Саратове чрезвычайное положение? Поднимет на ноги внутренние войска? Произведет массовые аресты? Разошлет телеграммы в соседние области с просьбой одолжить сотню батальонов? Захватит радиотелецентр, облизком, обком и горуправление внутренних дел вместе с ненавистным ему Косыгиным? И заперет Москву: враги обезврежены, на какой десопал их, гадов, послать? А может сразу к стенке?

Я знаю: редактор, на чей стол попадает этот материал, наверняка попытается вычеркнуть предыдущий абзац, сказав: «Это чересчур. Какие у автора основания такое предполагать?» Я скажу об основаниях: в прошлом году на первомайской демонстрации в Саратове курсантами училища МВД и милиционерами была остановлена колонна представителей новых общественных организаций. Причина? «Они вклинились — объяснил мне В. Шинкаренко. — между трудящимися Кировского и Ленинского районов. Они вклились...» Ну, вклились бы и прошли... «Но есть же у нас инструкции! По строго установленному графику пропускать... Все же на моих глазах...» — Депутат Прокурорских рассказывал мне, как его били. — «Они сами налетели...» Так генерал объяснил спровоцированное им же столкновение. Трещала одежда, падали люди, кричали женщины и дети, сочилась из ссадин кровь, но совесть генерала спокойна: «Сами налетели».

Мы и без того живем в неспокойное время. Социальные взрывы возможны от одной искры. А тут человек, одержимый маниакальной страстью удерживать взрывы с помощью подожженного бикфордова шнура. Так что будем делать — уговаривать его? А может быть, просто отобрать спички?

«Шутить изволили?»

Фот. Владимир БОГДАНОВА

Эльмира АХУНДОВА

собственный корреспондент «Литературной газеты» по Азербайджану

КАСПИЙСКИЙ ОСЕТР ИЗ ОЗЕРА СЕВАН...

30 ТЫСЯЧ ЛИТРОВ СПИРТА-РЕКТИФИКАТА БЛАГОПОЛУЧНО ПЕРЕКАЧАЛИ ИЗ ЦИСТЕРН АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ВИНЗАВОДА В АВТОЦИСТЕРНЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «АРАРАТ» АРМИНИПРОМА, И ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ КОЛОННА ИЗ ПЯТИ МАШИН ДВУНАПЛАВ В СТОРОНУ ГРАНИЦЫ С АРМЕНИЕЙ...

ПОДУМАТЬ только: позади уже насильственный исход из Армении десятков тысяч азербайджанцев, массы армянских беженцев, вынужденных покинуть пределы Азербайджана, кровотокающие раны Аскерана и Сумгаита, несметные митинги, потрясавшие столбцы обеих республик. Гнетущая атмосфера взаимного отчуждения, вражды продолжает сгущаться. Вооруженное противостояние постепенно превращается в бессмысленный террор. Крайне, беспробудный тупик. Люди, считающиеся советскими гражданами, в недавние еще времена поднимавшие дружную обоим народам, встречались на нейтральной территории, не подавая друг другу руки и даже в упор не замечая друг друга (о такой встрече рассказывал мне недавно один известный писатель). И вот в этой атмосфере международной конфронтации, взаимного ожесточения есть, оказывается, оазисы: где в отношениях между армянами и азербайджанцами по-прежнему царит полнейшая идиллия.

Из повзвизгивающего винодела завода № 1 Вагифа Исмаилов: «Конечно, человек моего возраста, образования и должности не мог не понимать, что совершает преступление. Однако в это время человек хотел помочь армянам. Другим, которые обратились ко мне за помощью».

И во времена минувшие благополучные, и сегодня среди насилья и хаоса, и что бы ни случилось, завтра эти люди ваялись, занимаются и будут зани-

маться делом. Пусть в нашей истории слово дело следовало бы поставить в кавычки, но сути вопроса это не изменит. Ни пламенные речи на площадах, ни вызывающие и откровенно истеричные заявления злодеяний фанатиков-националистов с противоположной стороны — ни обиды в «правительственных» изданиях — ничто не остановит их дело.

На скамье подсудимых Верховного суда Азербайджана — группа из одиночных, давешних партнеров из обеих республик. В результате расследования, проведенного бригадой во главе со старшим следователем Главного следственного управления МВД СССР А. Поляковым, им предъявлено обвинение в хищении государственного имущества в особо крупных размерах.

В самом факте хищения винодела нечего особенного нет. У нас в Азербайджане такого рода дела рассматриваются довольно часто. И наказания довольно просты. При больших объемах производства стоит лишь чуть-чуть нарушить технологию, слегка, совсем незначительно отойти от рецептуры, и вот неучтенные излишки. Дальше остается только найти покупателя. Ну и естественно, не обойтись при этом без соответствующего прикрытия, которое разумеется, тоже чего-то стоит. Прикрыть нужно не только факт вывоза и продажи, но и всю систему бесконтрольности и беззастенчивости, царящую на подобных предприятиях. Не отказавшись отловить подполья в фанатизме при такого рода сделках. Само по себе, нужно не только от ОБХСС умело

уйти (с милицией у них отношения далеко не отлажены), но и без протеста прислуживать многочисленным военным кордонам. Так вот, на этот случай у «деловых» уже отработана методика: как тактовать с военными. Недавно два старших лейтенанта — И. Чикин и А. Беловский — на «КамАЗах» с поддельными военными номерами уверяли задержанных их милиционеров, что везут «секретный груз» не подлежащий досмотру. Оперативной же группе, прибывшей на место происшествия и настоявшей на вскрытии фурагонов, открылось: море разливов — тысячи бутылок коньяка и водки.

Перед началом судебного заседания я безуспешно пытался разогнать подсудимых И. Чикина и А. Беловского, испуганно шарахавшихся от моего диктофона, хотя я хотел попросить их о семье о детях (у И. Чикина — о том, что он друг к другу относится и как на их позиции по проблеме Нагорного Карабаха. Мои неудачные попытки лишить контакт с подсудимыми, по-

дому, весьма позабавили члена Верховного суда Азербайджана Р. Мирзоева, который вел судебное разбирательство. «Да прекратите они друг к другу относиться — скажите им улыбающимся — Ели-пели вместе обмыли сапожки в ресторане «Армянский огонь». Эти деловые парни, да и только, могут враз поминуть обе республики на почве взаимного экономического интереса. Пока идеологи конфликта продолжают играть на национальных и прочих германских экономических интересах, неурядицы людей, недремлющих деловых извлекать из нестабильности в социально-политической ситуации в регионе немалые выгоды. В итоге же национальных раздоров, инке лопачки умудряются выигрывать последние золотую рубку».

В этой мутной воде даже осетры косятся — иронично замечает командант района чрезвычайного положения НКАО генерал-майор В. Сафонов. На кватире у одного «теневика» — армянина в Степанакерте — обнаружили целый склад черной икры и осетрины

РЕДАКЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И когда меня осилит время
И душа отправится в полет,
Пусть белеет храм среди деревьев
И далекий колокол поет.

Давай помиримся, сестра.
Так сам Господь велит.
Ведь жизнь одна, ведь жизнь быстра.
А сердце так болит.

Пусть даль темна,
Пусть боль остра
И тяжка лет печать.
Прости меня, моя сестра
Господь велел прощать.

Еще февраль сгущает краски.
Еще под наледью трава.

Поднимешься! В горячем этом слове
Я слышу клятву, свой народ любя.
Потомок двух разгромленных сословий,
Я жизнью отвечаю за тебя.

ЛЕОНИД ГАБЫШЕВ: «ПАДШИХ ЛЮДЕЙ НЕТ...»

но ли научиться писать о плаках. Пленов много И хочется чтобы они осуществились И потому — не будем о них В конце концов пора ставить точку.

Феликс Чув. «Русский пламень». Издательство «Советский писатель». М.

на поворота кривой, заминку сама себе в метафору — Одлан — как в некую черную дыру, невидимую сквозь оптику торопливых будней, но всегда грозно

лялось такому выводу. Это что же получается: общество виновато, общество жестокосердно, а человек ни при чем? И почему мы должны быть милосердными к вора, убийцам, насильникам, а не к

— Но ведь есть еще и целостность произведения?

— Какого произведения!

— «Однана», конечно.

но ли научиться писать о планах. Планов много. И хочется чтобы они осуществились. И потому — не будем о них в конце концов пора ставить точку.

Феликс Чуев. «Русский пламенный
дательство «Советский писатель»

и сам я — правды ленинской со-
но ложь, как радиация, проникл
в умы и души...
Кто же виноват?
(Смеется на зован. Ему плохо. П

Ж ВАСИЛЬЕВА

Давно замечено, что средства массовой коммуникации первыми пробуждаются от летаргического сна с началом общественного подъема и первыми подвержены атаке со стороны пучков.

Атака может быть осуществлена непосредственно с оружием в руках, с выстрелами и кровью (как в Вильнюсе), и может носить мирный, достаточно постепенный характер с применением рутинных бюрократических мер (как в Останкине — когда поменяли в руководстве Гостелерадио Ненашева на Крайченко).

С переменой мест слабеющих стал заметным процесс сужения демократического пространства в эфире. Информационные программы (в большей степени — «Время», в меньшей — ТSN) не столько передают полученную информацию, сколько, фальшиво, распределяют ее. Передвинуто на вторую программу «АТВ» — система передач, завоевавшая в минувшем 90-м году известный авторитет у аудитории. Поставлен вопрос о сближении политических воззрений «Взгляда» со взглядами правительственных чиновников. Все более лапидарными делаются репортажи с парламентских форумов. Все более скудными становятся наши программы в прямом эфире. Все уже круг самостоятельных думющих ведущих.

Мы идем вниз по лестнице, ведущей вверх. Но вспомним, как мы шли вверх по лестнице, ведущей вниз.

Вверх мы не шли — лезли, словно на крыльях, переживая по несколько ступенек в минуту. Как-то вдруг из сетки вещания выпала передача «От души» — совершенный в своем роде идеальный образец социального реализма. Куда-то пропал Юрий Жукос с его сокрушительными оплеухами Рональду Рейгану. Реже стала напоминать о себе «Позиция» Генриха Боровика. А с другой стороны, все более дерзкими и динамичными делались выпуски «Мир и молодежь». Грохом с 12-го этажа прозвучала программа «Ясно-таки», выпуски которой вились прообразом митинговых действий и парламентских дебатов.

Политические спектакли, разрывные всплески на сцене, а затем — расхолаживание по всем горизонтам и республиканский репертуар на «12-м этаже». Именно там «раздолье» мизансцены с участием тех, кто с площадки, как с лестницы, кто из кабинета, кто в кабинетах. Именно там складывались роли и амплуа героев и антигероев спектакля с условным названием «Перестройка».

Все это подкупало и трогало потому, что пьеса писалась (а спектакль ставился) на наших глазах, в присутствии миллионов зрителей.

Игра невымышленных персонажей в демократизацию стала совсем правдоподобной с началом предвыборных дебатов. На первом съезде в прямом эфире она оказалась еще и необычайно увлекательной. Она стала заходить настолько далеко, что вот-вот грозила обернуться жизнью.

Жизнью, немой подлинник повелевал от новой придумки молодежной редакции ЦТ — информационно-музыкальной программы «Взгляд».

«Взгляд» поначалу едва ли претендовал на политическую оппозиционность, он отличался от прочих программ публицистического характера своей неформальностью. Ведущими-неформалами представляли молодые люди. Но главное завоевание видеоканала было в другом — у него появились зрительские форматы. Изменились ролевые функции обеих сторон в коммуникативной цепочке.

Тоталитарное ТВ основывалось на следующем незыблемом принципе: тот, кто на экране — начальник, а тот, кто перед экраном — подчиненный. И, следовательно, информация, идущая с экрана — это не полная информация, не новость как таковая; эта команда, экипированная под информационно составленную таким образом, что ее, как и приказ, не надо обсуждать, обдумывать, но необходимо принимать к реальному или воображаемому исполнению.

Программа «Время» приобрела характер всеобщего инструктажа по части образа чувствования и мышления всего трудового населения. Само лицензирование ее сделало в продолжение многих лет чем-то вроде ритуала. Для зрителей — ритуал повиновения.

Для власти — ритуал самозатверждения.

Два штриха классическим образом подтверждающих это соотношение.

Известно, как Бизневс обожал смотреть программу «Время». Говорят, обожал почти так же, как отуту. И даже пуще, потому что всегда торопился с нее вернуться домой до начала программы. Казалось бы, ну что нового могли поведать дикторы ЦТ своему генсеку, если самая важная информация доставлялась ему по каналам более оперативным и авторитетным? Но, похоже, генсек не новостей жаждал от «Времени». Он подосознательный комплекс своей неизбранности и, стало быть, своей незаконности, изживал «Время».

Должностное положение первого лица, но не избрательности, непоколебимости, незыблемости конструкции неправо государственного.

Информационная программа, таким образом, утратила изначальную функцию и приобрела значение эмблемы государственного символа.

Это первый штрих. Второй дала нам польская история. Одной из акцентов польского народа против введения военного положения в 1981 году стал демонстрационный отказ телезрите-

лей смотреть польский аналог «Времени». Возможно, такого рода бойкот нам еще предстоит. Но не будем обманываться с самого начала: дело здесь вовсе не в недоверии правительственным источникам информации, а в отказе доверия самому правительству.

Подобный зрительский бойкот означает самый радикальный отказ зрителя от навязанной ему тоталитарной коммуникативной системы подчиненности.

Но «Взгляд» с самого начала предлагал зрителю иную роль — собеседника, зрителя по общей компании. Сама программа за душой не имела ничего антиправительственного и даже антипарламентского. Вся ее оппозиционность по отношению к ортодоксальному вещанию — в демократической форме общения.

Другое дело, что личностная, неформальная коммуникация стала постепенно определять демократическое содержание этого общения. Именно содержательный телевизор вызвал к жизни образ независимого ведущего.

Ведущие «Взгляда» могли не прийти к своему определенному политическому курсу. И подобно тому, как неформальное движение со временем начало играть роль демократической альтернативы тоталитарному режиму, неформальные видеоканалы «Взгляд» и «12-й этаж» стали осознаваться как альтернатива государственному вещанию.

Парадоксальность, а правильнее сказать, ненормальность ситуации состояла в том, что телевизионный эфир в какой-то момент оказался много демократичнее телевизионных студий. Последние как были командно-административными при Липине, так и остались административными-командными при Ненашине.

Этот все увеличивавшийся по ходу перестройки разрыв между тем, что на экране, и тем, что в кабинетах функционеров, мог оставаться незамеченным, пока температура демократических перемен сохраняла устойчивую тенденцию к повышению. Но едва обозначилась стагнация и понижение этой температуры сразу стало очевидно, что все демократические завоевания покоятся на зыбком основании.

Не на законе — на дозволении.

Движение вниз по лестнице, ведущей вверх, не вечно не с появлением Крайченко в Останкине. Оно началось в тот момент, когда в эфире впервые показывали второй Съезд, а затем в удобное для зрителей время — с десяти вечера до двух ночи.

Тогдашние руководители ТВ и руководители руководителей безнадёжно застряли в мотивах отказа от прямого эфира. Говорили, что, во-первых, трансляция сильно отягощает трудовое человека от производительной работы, а во-вторых, страшно наскучило ему.

Говорили еще, что прямой эфир слишком обходится казне, умалчивает, что запись стоит много дороже. Но власть имущие готовы были платить любые деньги, потому что это была плата за возможность «подчинять» силовую структуру. В этом смысле контроль над живым эфиром так же важен, как и контроль над архивами, поскольку то и другое обеспечивает административную команду высоту без особых демократических хлопот.

Командно-административный принцип отношений со зрителем демократически не казался бы вынужденным в двери, вернулся в окно.

И если бы один момент в жизни эфирного вещания, на который мало кто обратил внимание. Когда принимался Закон о печати, то из-под его юрис-

дикции были исключены телевидение и радио как средства заслуживающие специального правового акта.

Акт этот был спроектирован на ничто, не рискуя его представить публике, настолько он был несовершенным.

Отсутствие правовых норм ставило в двусмысленное положение не только дежурных по эфиру, но и их непосредственных начальников, что и обнаружилось при первом же обострении отношений между обеими сторонами.

Первым было не запрещено «Взгляд» а вытеснено на вторую программу «АТВ». Прошло оно для руководства Гостелерадио относительно безболезненно. Настоящим скандалом разразился с отменой «Взгляда» его масштаб обусловлен. Наступил в конфликт не только с командой журналистов «Взгляда», но с многочисленной аудиторией. В этом суть конфликта, на которую председатель предпочитает закрывать глаза.

Ему удобнее интерпретировать подлинную суть в печати как свою политическую борьбу с амбициозными политиками. Эта поза бесстрашного и бескомпромиссного борца за Идею против «Националистов» — тенденция в другом — националистов, в третьем — фашиствующих демократов, в четвертом — политическую журналистику, стала расхожей. Ее по очереди принимают Полозов, Алксис, Невзоров и вот теперь Крайченко.

Наша же задача, склонны с серьезностью относиться к собственным персонам. На деле внимание приковано к малопочтенным заявлениям, которыми наши любезно предоставляют свои фамилии.

Операция по приоткрытию союзников вещания для работы в режиме чрезвычайного положения уже получила условное обозначение — «Крайченко».

Идет эта операция не гладко. А что гладко, никто не знает? Запретители «Взгляда» долго не могли вынести объяснений, чего они хотят от ведущих.

Чтобы не касались отставки Шевардадзе? Чтобы сместили политические оценки минувшего года? Чтобы вовсе отказались от внутриполитических тем?

Вроде бы и первое, и второе, и третье — дескать. И вместе с тем было такое впечатление, что подражывается нечто еще. Это самое нечто еще долгое время оставалось невыясненным, пока Леонид Петрович не дал себе труда выразиться на одном из пресс-

конференций достаточно открыто: «Взгляд» главным образом представлял свою трибуну политическим деятелям из «Демократической России», из межрегиональной группы и мало жалует вниманием приверженцев других политических групп. Имелось в виду, очевидно, что коммунисты России, Литвы, Латвии и других республик находятся в менее выгодном информационном положении, поскольку не имеют во всеобщем эфире собственного «Взгляда».

А Любимову и его команде, таким образом, был сделан намек, чтобы они потеснились в своем видеоканале и дели место коммунистам.

Все это напоминает известное фольклорное сочинение про лису, которая, после того как у нее рассталась педальная избушка, стала проситься на постой и забрала избушку лубяную.

Расстав популярности «От всей души» Валентина Леонтьева, не пользуется спросом «Позиция» Генриха Боровика, так что же в этом выгода? Популярности «Взгляда» обязана популярности идей и программ, выработанных демократическим движением, а также полемике с коммунистической идеологией. И вот теперь «Взгляд» недвусмысленно предлагается взять шефство над идейными банкротами, заняться их популяризацией.

Согласно на это, «Взгляд» поступил бы благоразумно, но рискованно. Известно, чем кончаются подобные истории, хотя бы в той же сказке — сначала на пороге, потом на кухне, затем в гостиной. Смотришь, хозяин уже вытопкан...

СТАТЬЯ дописывалась, когда появился новый Указ Президента о переименовании Госкомитета в Госкомплан. Не велика вроде бы разница: поменять вывеску на учреждение. Да как сказать? Одним росчерком пера многозначный штаб Останкина оказался за порогом Останкина. А внутри остался один человек — председатель Госкомплана.

И сказка про лубяную и лубяную избушку стала былью, главный смысл которой в том, чтобы вывести телевидение из-под контроля Кабинета министров и Верховного Совета. А из-под юрисдикции Закона о печати оно, как мы помним, было выведено раньше.

Положение председателя новой компании много лучше губернаторского. Ему не надо, как Градобову, спрашивать у своих подопечных: предпочтут ли они, чтобы их судили по законам или как «бог на сердце полагает». Ему Указом разрешено последнее.

Насколько я понимаю, этим актом создан прецедент управления целой отраслью посредством института наместников.

Как бы там ни было, но одним из методов мы спустились на самый низ лестницы, ведущей вверх — на упреждение командно-административное основание компании, председателю телеграфно-компаниям посылать новую компанию сотрудников. Последняя может оказаться и старой — просто заменят будут поводы и ошейники. Телеграфисты вместо формального трудового соглашения подпишут неформальные контракты.

Проблема, однако, не в компании штатных сотрудников ТВ, а в компании нештатных телезрителей. Наберет ли их «Взгляд»?

Кинематографисты объявили о своем гражданском неповиновении неправомерному телевидению и радио. Акция эта вызывает некоторую ироническую улыбку: какой, мол, смысл? Называемые не Крайченко, а телезрителями.

Конечно, бойкот оружие обоюдоострое. Но в единственном случае вынужденным и единственно возможным для того, кто стремится сохранить собственное достоинство.

По мне главный смысл бойкота — в лишении главной поддержки и Крайченко, и тех, кто под ним, и тех, кто над ним. Говорят, что они в ней (моральной поддержке) не нуждаются.

Это не так. Они нуждаются, правда, не в поддержке, а в прикритии. Им не очень нужна Культура; им надобен ее Авторитет.

Вот почему председатель, отвечая на вопросы журналистов о бойкоте, за несидельничьей улыбкой не может скрыть раздражения.

У людей культуры в этой вынужденной акции свой интерес. И тоже не практический — улучшить качество морали. И по возможности преумножить ее количество.

Какое значение, кроме морально-символического, имели протесты Сахарова в 70-е годы? Их следом было бы совсем невозможно без тогдашнего Сахарова. Если мы будем сегодня достаточно стойки в моральном сопротивлении, то, может быть, легче будет поколению, которое начнет новую перестройку.

В конце концов спор сегодня идет не об интересах альтернативного вещания, а об интересах альтернативного народа.

Юрий БОГОМОЛОВ

ТУДА И ОБРАТНО

ТВ до и после перестройки

Смотреть польский аналог «Времени». Возможно, такого рода бойкот нам еще предстоит. Но не будем обманываться с самого начала: дело здесь вовсе не в недоверии правительственным источникам информации, а в отказе доверия самому правительству.

Подобный зрительский бойкот означает самый радикальный отказ зрителя от навязанной ему тоталитарной коммуникативной системы подчиненности.

Но «Взгляд» с самого начала предлагал зрителю иную роль — собеседника, зрителя по общей компании. Сама программа за душой не имела ничего антиправительственного и даже антипарламентского. Вся ее оппозиционность по отношению к ортодоксальному вещанию — в демократической форме общения.

Другое дело, что личностная, неформальная коммуникация стала постепенно определять демократическое содержание этого общения. Именно содержательный телевизор вызвал к жизни образ независимого ведущего.

Ведущие «Взгляда» могли не прийти к своему определенному политическому курсу. И подобно тому, как неформальное движение со временем начало играть роль демократической альтернативы тоталитарному режиму, неформальные видеоканалы «Взгляд» и «12-й этаж» стали осознаваться как альтернатива государственному вещанию.

Парадоксальность, а правильнее сказать, ненормальность ситуации состояла в том, что телевизионный эфир в какой-то момент оказался много демократичнее телевизионных студий. Последние как были командно-административными при Липине, так и остались административными-командными при Ненашине.

Этот все увеличивавшийся по ходу перестройки разрыв между тем, что на экране, и тем, что в кабинетах функционеров, мог оставаться незамеченным, пока температура демократических перемен сохраняла устойчивую тенденцию к повышению. Но едва обозначилась стагнация и понижение этой температуры сразу стало очевидно, что все демократические завоевания покоятся на зыбком основании.

Не на законе — на дозволении.

Движение вниз по лестнице, ведущей вверх, не вечно не с появлением Крайченко в Останкине. Оно началось в тот момент, когда в эфире впервые показывали второй Съезд, а затем в удобное для зрителей время — с десяти вечера до двух ночи.

Тогдашние руководители ТВ и руководители руководителей безнадёжно застряли в мотивах отказа от прямого эфира. Говорили, что, во-первых, трансляция сильно отягощает трудовое человека от производительной работы, а во-вторых, страшно наскучило ему.

Говорили еще, что прямой эфир слишком обходится казне, умалчивает, что запись стоит много дороже. Но власть имущие готовы были платить любые деньги, потому что это была плата за возможность «подчинять» силовую структуру. В этом смысле контроль над живым эфиром так же важен, как и контроль над архивами, поскольку то и другое обеспечивает административную команду высоту без особых демократических хлопот.

Командно-административный принцип отношений со зрителем демократически не казался бы вынужденным в двери, вернулся в окно.

И если бы один момент в жизни эфирного вещания, на который мало кто обратил внимание. Когда принимался Закон о печати, то из-под его юрис-

дикции были исключены телевидение и радио как средства заслуживающие специального правового акта.

Акт этот был спроектирован на ничто, не рискуя его представить публике, настолько он был несовершенным.

Отсутствие правовых норм ставило в двусмысленное положение не только дежурных по эфиру, но и их непосредственных начальников, что и обнаружилось при первом же обострении отношений между обеими сторонами.

Первым было не запрещено «Взгляд» а вытеснено на вторую программу «АТВ». Прошло оно для руководства Гостелерадио относительно безболезненно. Настоящим скандалом разразился с отменой «Взгляда» его масштаб обусловлен. Наступил в конфликт не только с командой журналистов «Взгляда», но с многочисленной аудиторией. В этом суть конфликта, на которую председатель предпочитает закрывать глаза.

Ему удобнее интерпретировать подлинную суть в печати как свою политическую борьбу с амбициозными политиками. Эта поза бесстрашного и бескомпромиссного борца за Идею против «Националистов» — тенденция в другом — националистов, в третьем — фашиствующих демократов, в четвертом — политическую журналистику, стала расхожей. Ее по очереди принимают Полозов, Алксис, Невзоров и вот теперь Крайченко.

Наша же задача, склонны с серьезностью относиться к собственным персонам. На деле внимание приковано к малопочтенным заявлениям, которыми наши любезно предоставляют свои фамилии.

Операция по приоткрытию союзников вещания для работы в режиме чрезвычайного положения уже получила условное обозначение — «Крайченко».

Идет эта операция не гладко. А что гладко, никто не знает? Запретители «Взгляда» долго не могли вынести объяснений, чего они хотят от ведущих.

Чтобы не касались отставки Шевардадзе? Чтобы сместили политические оценки минувшего года? Чтобы вовсе отказались от внутриполитических тем?

Вроде бы и первое, и второе, и третье — дескать. И вместе с тем было такое впечатление, что подражывается нечто еще. Это самое нечто еще долгое время оставалось невыясненным, пока Леонид Петрович не дал себе труда выразиться на одном из пресс-

конференций достаточно открыто: «Взгляд» главным образом представлял свою трибуну политическим деятелям из «Демократической России», из межрегиональной группы и мало жалует вниманием приверженцев других политических групп. Имелось в виду, очевидно, что коммунисты России, Литвы, Латвии и других республик находятся в менее выгодном информационном положении, поскольку не имеют во всеобщем эфире собственного «Взгляда».

А Любимову и его команде, таким образом, был сделан намек, чтобы они потеснились в своем видеоканале и дели место коммунистам.

Все это напоминает известное фольклорное сочинение про лису, которая, после того как у нее рассталась педальная избушка, стала проситься на постой и забрала избушку лубяную.

Расстав популярности «От всей души» Валентина Леонтьева, не пользуется спросом «Позиция» Генриха Боровика, так что же в этом выгода? Популярности «Взгляда» обязана популярности идей и программ, выработанных демократическим движением, а также полемике с коммунистической идеологией. И вот теперь «Взгляд» недвусмысленно предлагается взять шефство над идейными банкротами, заняться их популяризацией.

Согласно на это, «Взгляд» поступил бы благоразумно, но рискованно. Известно, чем кончаются подобные истории, хотя бы в той же сказке — сначала на пороге, потом на кухне, затем в гостиной. Смотришь, хозяин уже вытопкан...

СТАТЬЯ дописывалась, когда появился новый Указ Президента о переименовании Госкомитета в Госкомплан. Не велика вроде бы разница: поменять вывеску на учреждение. Да как сказать? Одним росчерком пера многозначный штаб Останкина оказался за порогом Останкина. А внутри остался один человек — председатель Госкомплана.

И сказка про лубяную и лубяную избушку стала былью, главный смысл которой в том, чтобы вывести телевидение из-под контроля Кабинета министров и Верховного Совета. А из-под юрисдикции Закона о печати оно, как мы помним, было выведено раньше.

Григорий ЦИРНИЯК

Фигура автора

СОВЕТСКИЙ ГОЛЛИВУД: НЕИЗВЕСТНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

Еще никогда в нашей стране не снималось так много фильмов, как сейчас. Примерно триста в год — вдвое больше, чем прежде. Сравнение с Голливудом (зарождающимся Голливудом) тем более уместно, что много фильмов коммерческих и делают их на так называемых «независимых студиях».

Еще никогда у нас в стране не показывали так много наших картин. Прокат их почти не берет, даже в Москве, где всегда брали. Публика не знает названий. Добавляют пиратские, «русские» (в Ленинграде) и домашние видео. Что там вперед? Тулки? Стоп-ковидер?

В такой ситуации имеет смысл (наряду с серьезными рецензиями) просто представлять картины. Ориентировать: не в потоке — в потоках. Кратко характеризовать, дабы зрители хотя бы знали, ЧТО такое. Первый (?) в советской прессе опыт кинематографического кино.

Вполне может быть, что о некоторых фильмах, упомянутых здесь, «ЛГ» напишет потом более подробно.

Из купленных зарубежных лент мы выделяем только характерные для нашего сегодняшнего проката.

Путь не измучает знатоков советского фильма, законченных только что и полугода назад. У современного проката логика такого безумия, и какой фильм появится на экранах раньше, угадать не легче, чем выиграть миллион в новой общенациональной телелотерее под названием «Опять 25».

Система рейтинга (оценки на советских автора):

*** — великолепный фильм,

*** 1/2 — очень хороший,

*** — хороший,

** 1/2 — достаточно интересный,

** — средний, посредственный,

* 1/2 — слабый,

* — плохой,

1/2 — провал, ниже всякой критики.

«БАКЕНБАРДЫ» **

[РЕЖИССЕР ЮРИЙ МАМИН]

Редкий случай: все по отдельности — эпизод за эпизодом — смешно, зло и увлекательно. Все вместе... Примерно к середине становится ясно, что изображенное в фильме пушкинское общество — пародия на «Память». Что идея такая: даже Пушкина при умении и старании можно использовать в узкополитических фашистских целях. После этого фильм топчется на месте. На «Ба-

кенбардах» осознаешь некую особенность сатиры Мамина, менее отчетливо проявляющуюся в его прежних работах «Президенты», «Нелюбовь» и «Фонтан». Его фильмы строятся на одном анекдоте, фильме абсурдной ситуации. Сюжет развешивается не по прямой, а по кругу: давай вокруг абсурдной ситуации, давай угадай ее в таком ракурсе, и в этом кругу. Круговой юмор. Он бывает и несколько монотонным.

«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» ***

[РЕЖИССЕР АНДРЕЙ ЭШПА]

Профессиональная и правдивая экранная Достоевского, вся на крупных затейливых планах (жизнь без пространства, жизнь в камне — тот самый каменный мешок). Интересна уже тем, что суперзвезда Настасья Кински играет страдающую, истощенную и измученную русскую — типаж, к которому она

шла очень давно. И что Никита Михалков в роли обязательного и жестокого режиссера-сценариста, очередного, но последнего Паратова, немощно Кински переигрывает. В конце 60-х и 70-х, когда в мировом кино, да и в нашем тоже, был всплеск, фильм мог бы затеряться. Теперь же, на современном фоне, эта добротная традиционная экранизация кажется более чем приличной.

«МАТЬ» *** 1/2

[РЕЖИССЕР ГЛЕБ ПАНФИЛОВ]

Страсти вокруг того, где Глеб Панфилов записывал грубые платки для Никиты-Чурковской (не у Карандина ли?), почему отсюда Павла Власова играет Володя (он не играет), наконец-то улеглись. Самое время посмотреть, что получилось. Фильм по чистоте эстетической ценности, а получился измученный, пыльный. Фильм по чистоте эстетической ценности, а получился измученный, пыльный. Фильм по чистоте эстетической ценности, а получился измученный, пыльный.

ко на другую тему. Жили очень молодые люди, были честными, играли в революционных, пугали этим родителей, то есть Никитов, увлекались теориями, влюблялись, но подавляли эти постоличные желания, потихоньку извлеклись от человечности. Потом их деятельность филологизировали: тайная полиция, дабы пугать царя, и известный лондонский эмигрант. Кинороман! Но ставшая по большому счету Мать. Может быть. Но еще и детектив. Временами забавнее, что смотришь фильм по очень современной книге (как сказал все тот же эмигрант) и хочешь знать: а что, конец? А в конце Никитов зарежет. То же неизбежно.

«СУКИНЫ ДЕТИ» **

[РЕЖИССЕР ЛЕОНИД ФИЛАТОВ]

Внешне — публицистическое доперестроечное кино (в смысле: снято до перестройки 1991 года). Статья из «Дем. России». Остался за границей знаменитый театральный режиссер, которого случайно (вы понимаете) зовут Петровичем. Его лишили гражданства его театр хотят изгнать и разогнать. Актеры отчаянно голодают и грозят самоубийством. Но почему-то кажется, что

Леонид Филатов сделал картину не из публицистических соображений: гимн во славу искусства. И злоупотребил, и по-настоящему пакостит друг другу, но если задаться из гордости: «Обидеть артиста может каждый» — и вот артист отвечает в ответ миф об актерском братстве и нравственном подвиге. Что не говорит, а это по меньшей мере трогательно. Жаль, что Леонид Филатов одновременно не кинокротик.

«НЕ ОТСТУПАТЬ, НЕ СДАВАТЬСЯ» 1/2

[США. РЕЖИССЕР НЕ ВАЖЕН]

На эту картину, где мальчик столь долго рыдает на могиле Бросе Ли, что темнота, разогнавшись, начинает давать ему уроки каратэ, и в итоге мальчик побеждает на ринге злодеи и счастливо Ван Дамма (то есть чемпионы Востока Европы Мухомил Крушиковский) тоже играет Ван Дамма, не стоило бы обращать внимания. Если бы его не звали в кино «Мосфильм». Мы долго называли наш комсомольский видеопроект пиратским, ибо фильмы не куплены. На деле он отнялся у себе, по-моему, стал основным, более корректным и значимым, чем корпоративный кинопроект. Более прибыльным.

Закупка фильмов типа «Не отступать, не сдаваться» — попытка легализовать официальный прокат. Сравнять счеты с пиратским. Мы смирились. Прознали поражение. Искусство проиграло самоуничтожению. То, что ленту приобрел «Мосфильм» — а значит, он теперь делает коммерческую ставку, не на свои фильмы, а на каратэ, пугает особенно Гладыш, наше собственное кино совсем уйдет в прокатное подполье. Но тогда и я займусь рубрикой. Не «неизвестный кинематограф», а «подпольный», «Нелегальный», «Нерейский», «Истинский», «Неужный». Надо подумать, какое определение точнее.

Юрий ГЛАДИЛЬЩИКОВ

СИМПТОМЫ

ЛГ-РЕКЛАМА

ЭТО ИМПОРТНЫЕ КОМПЬЮТЕРЫ И ОРГТЕХНИКА за рубли!

Иное иноземное слово, консенсус какой-нибудь или плюрализм, сверкнет в нашем лексиконе, чуть обкатается под аплодисменты да тут же и потускнеет, а то и вовсе погаснет, превратившись в пустой звук.

Словам КОМПЬЮТЕР и КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ это не грозит, потому что вплотную к ним стоит БИЗНЕС, в том числе и бизнес уже известного на весь Союз объединения «MMM».

Обратитесь в «MMM» и через десять дней Вашей фирме будут поставлены аппаратно-программные комплексы на базе ПЭВМ IBM PC AT/XT плюс самая современная оргтехника ведущих мировых компаний. Причем получите вы все это без предоплаты.

ХОТИТЕ НЕ
ОТСТАТЬ ОТ ВРЕМЕНИ?
ХОТИТЕ УВЕРЕННО ЧУВСТВОВАТЬ
СЕБЯ В БИЗНЕСЕ?

ПРЕУСПЕВАЮЩИЕ
БИЗНЕСМЕНЫ
ВЫБИРАЮТ
«MMM»

Адрес в Москве:

ул. Газгольдерная, 10
Московские телефоны:
171-03-97,
173-44-15,
171-13-81,
171-06-90.

ЭСКАРТ

Опубликовать рекламу в нашей газете вам поможет творческое объединение «ЭСКАРТ» советско-американского фонда «Культурная инициатива»

Телефон: 285-77-09

ИСПОВЕДАЛЬНЯ «КЛУБА ДС»

Нонна САВЕЛЬЕВА

БРЕМЯ СЛАВЫ

Ученые выяснили, что человек может стоять в очереди семь минут. То есть столько, сколько ему нужно, чтобы выжить. Но человек — существо социальное, поэтому он не может стоять в очереди, не делая ничего. Когда человек самозабвенно стоит в очереди, он не чувствует себя человеком. Когда человек самозабвенно стоит в очереди, он не чувствует себя человеком. Когда человек самозабвенно стоит в очереди, он не чувствует себя человеком.

Я, например, в очереди не стою. Представьте себе. Я живу одна и убеждена, что мне ничего не надо. То есть надо, но могу обойтись. Я должна сказать, что это очень удобно — быть одиноким человеком. Моя подруга в очереди стояла четыре с половиной часа за мясом, так как у нее, бедной, есть муж и сын, два зверя, буди они нехоти, которых надо кормить мясом. Я же творю. Я его делаю из молока. Утром в магазине у работы почти всегда бывает молоко, я его покупаю, тащу на работу, где оно является целым делом. Успевает прокиснуть. Но это не страшно, поскольку я из него делаю творог. Невероятно удобно. Творог, если его есть каждый день, — это, должно быть, хорошая вещь. Но творог полезен. Это утешает. Когда у нас в магазине будет все, ну, не все, а хотя бы творог, я буду есть это, что-нибудь и навсегда забуду про творог. Нет, никогда не забуду, поскольку и через два года выхожу на пенсию и мне придется снова к нему вернуться, так как ни на что другое мне не хватит. Но хочется хотя бы передумать. В общем, если забыть про творог, то все очень удобно: мне ничего не надо. Иногда правда, надо. Это когда хочется пригласить гостей. Я люблю гостей, и ко мне всегда любил ходить. У меня было вкусно и был папа, который тоже любил гостей и пел им романсы под гитару. Он пел романсы и шансонетки. Чабет вылезла Фаншетта, два осужденных моих устали.

Кормить гостей теперь нечем. Должна сказать, что тут мы все не правы и еще не приблизились к цивилизованному странам. Там, говорят, гостей не кормят вообще. Ну, вкисли со льдом, сдвинут. В общем, и в голову не берется. У нас же всегда застолье. Все удивит тот же друг друга. Это какая-то национальная черта. (Теперь слово «национальная» страшно произносить, чтоб чего не подумали.) Это, в общем, это региональная особенность народов, населяющих нашу страну.

Я тут, правда, попробовала — пригласила без еды. Поставила на стол цветы, опил. Очень удачно сработала хитростью бараном и пригласила. И что вы думаете — обошлось. Чай с баранками. В этом даже есть некоторая эзотерика. И выпивка не нужна, когда нет закуски. Не баранками же закусывать. Не думаю, что это надо практиковать часто, но иногда можно. И вообще, папа всегда говорил, что надо жить душой. Он умел, у него был опыт. И был дух. Теперь с этим сложнее: опыт имеется, но нет духа. Исчез в очередях. Подруга которая простояла четыре с половиной часа за мясом, сказала, что из нее дух ушел. В общем, с духом, с душой сейчас не жаренно. Мой дорогой (не точку на-

зывать его имя, он сейчас женат) говорил, что его погубит его душа. Так оно и вышло. Только он немного не точно выразился. Она погубила меня, но погубила — это, пожалуй, сильно сказано, но около того. Он всю жизнь разрывался между мной и другой женщиной. Он говорил мне, что мы обе прекрасны, каждая по-своему. Он мучился, метался, а теперь он устал метаться и ушел к ней. Он поступил по-своему благородно, поскольку она была старше меня, некрасивая и больная, и его душа разрывалась от жалости к ней. Но ей он нужен. А я — прекрасная, умная и тонкая — еще устрою свою жизнь, и он будет счастливым за меня, хотя это и принесет ему страдания. Если же он останется со мной, мы всю жизнь будем заниматься своими интеллектуальными, что угодно, и что угодно? Он же постарается выдержать еще один удар судьбы — когда у меня будет другой муж. Я не знаю, нанесу ли я ему этот удар. Я бы нанесла. Но это не так просто. А в общем-то, одной лучше.

Я чувствую, что иногда раздражаюсь людей своей неважностью. Ну сколько можно быть такой идеалисткой, душой, расстой и вообще не бороться за свое счастье? С другой стороны, я даю редкую возможность людям проявить свои лучшие качества: сочувствие и жалость. Проявляя к постороннему эти чувства, люди начинают лучше относиться к себе. Горький то есть Сатин, сморозил невероятную глупость насчет того, что жалость унижает человека. Самое печальное не то, что сморозил, а то, что мы все это в детстве «проходили» и с этим постулатом пошли жить дальше. Как, собственно, и с другими подобными. Жалость — это прекрасное, очищающее чувство. И нам сочувствие дается, как нам дается благодать. И эту благодать я даю людям самым фантомом своей, как им кажется, неважной жизни.

На работе меня любил. Начальство — за то, что я много работала, а оно мне мало платит, местом — за то, что я безропотно езжу на карточке и дежурю в дружинке. Сотрудники устали от меня, потому что, когда они пили дома для своих семей, и говорили, что я держусь молодцом, несмотря на удары судьбы. Про удары я не любила рассказывать, но когда проводилась с людьми практически всю жизнь, скрывать ничего нельзя.

Должна признаться, у меня есть одно увлечение: я живу из катушечных ниток кружева. И всякие мелочи: воротнички, салфетки и прочее. И люблю их дарить. Недавно одна подруга взяла на мне мои кружева, как она их назвала, и кому-то там показала. В общем, вдруг в журнале «Крестьянка» появились статьи про рукоделие с цветными фотографиями, и на красном фоне — два моих белых воротничка. Это смешно, но я ужасно обрадовалась. Утром показала этот журнал на работе, в своем отделе. Вот, говорю, прославилась ни с того ни с сего. Вы удивитесь, но никто не обрадовался. А некоторые даже разозлились: тизона, мол, а поди ж ты... Начальник спросил, какой я получила гонимый. А некоторые вообще перестали разговаривать. Наверное, они подумали, вот жалели, жалели ее, как дураки, а оказывается зря.

Я думаю, это у них от того, что они стоят в очередях. В очереди можно стоять только семь минут...

ГЛАЗАМИ ЛЮБИТЕЛЯ ЖИВОПИСИ

Татьяна КОРОЛЕВА

1. До музея

О, как ты, женщина, худая!
Смотришь некая без сожаленья.
Вчера полотна видел я
Творения Возрождения.

Вот полотно с женщиной бал!
Целый мирок в нем искусства.
Худых мастеров не писал,
К ним как творец не прислал чувства.

Нелепо моды ты раба,
Легкой асы себя изела.

2. После музея

Как стала ты, мой друг, полна!
Уж нет в тебе проворства лапы.
Вчера в альбоме видел я
Творения кисти Модильяни.

Какой божественный излом,
Какая хрупкость, тонкость тела!
В тебе же — изгибистая во всем,
Ты на диету хоть бы села!

Э. В. ДУБОВА

Рис. Евг. ШУМОВА

Светлана МЕНШЕН

ПАРИЖСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Забывте виды испанских в мире чудес...
Глядя, постигая, выкрикивая ошеломенье,
чтоб в кадре десятком примерно парижский ликбез
и не переставая бес самоотверженно
не надо играть в торжество
ослепительных дам,
дурнопахнущих,
здесь нет никому по аисту.
одно, злободневное.
И в этом хотя бы и каждого собственным и:
Мне нравится кадр, отражающий в юности Создателя,
где рядом со мной, влюбленным и Рокитой Француз,
которому (попытки инструкции!) не отдалась я.
Прекрасное братство, постоянное страсти тина,
где скромность моя, мне обаяние окая капитула.
Гляжу в объектив,
а в пазлы мне — око «спецна»
спускается на землю, голубка, недолго витала...
Ах, этот глупый, глупый, гламурный человек!
Получила тайр — то к средине,
то сблизь, то с крат
Свои отпечатки на случай мопс негодный
уже приоткрыл...
А я — в дурочку поиграю...

В бзске французских коммерций,
явно не равных рублям,
мчитесь на критик советский
«Елисейский Полюс».
Пот вытира ладонской,
непримиримостью всей
стонет:
Полюс... Так карточный
или пшеницы завет!
Ниль ты, — вопиет, — у Европы
сколько слезной груди,
изне секим и шопи
нас доведут до бед!
Замысел этот пресеки,
чтобы не засмущив,
критик решил подбешен
горючку франков скупить.
Дочке, жене и сынишке
он обещал привезти
капиталистический
фирмы девайсы «Татия».
Фирмы, где жалко и нервно
пытаются он карман,
фирмы, снабжающей негров
и безработных слезами.
Как у полыха к вершине,
он у корзин с травьем.
Ниль ты, — шипит, — апашизм!
Это и есть их подвиг!
Капитализм проклинает
на юбилей кружок
к япий групп прижимает
красный серпантин с гербом.

Закрою глаза — все вижу.
Открою глаза — все тьма.
...Я думаю о Париже,
в котором я не была.
Один мой приятель ржачил,
меня он переизрил:
покажи карту Парижа
и скажи, что он — был...
Другой — неприятель воле
с чутким в ползучий миль
сказал мне по-свойски
— Бросьте,
зачем это вам — Париж?
И ехать туда не выгодно
— нет проку от их денег.
Там «наших» совсем не видно,
а те, как видно, — явля.
Начнут приставать, пастушничать,
вопросы задавать.
Ничуть не предлагая сотрудничать,
свои албасы совать.
Свободу искать друг бросится
бессильем там президент.
Найд со слезой напастись,
в тоду напад вам нет!
...Закрою глаза — чертовскую
улицу за хвост ловлю.
...Открою — и что? Липовский
сидит, чем Монпарнас, любит
Мне жутко. Мне страшно холодно
от разных парижских тайн.
Решила: лечу до Лондона
и жить с Маргарет Тэтчер чай.
ЛИПЕЦК МОСКВА — ПАРИЖ

РАССКАЗКИ

Тамара МЕЛЬНИК

БУТЫЛКА

С утра по всем отделам был слышен веселый перезвон бутылки. Смысли этикетки, сортировали, деловито спрашивали друг друга, какие принимают, какие нет, что взамен. Один мечтал о шампанском в Новом году, большинство хотело водки, особо обезпеченные — коньяк. Грустно смотрел на всю эту суету инженер Соловьев. Три года его сняли с должности начальника отдела за то, что кто-то увидел в его сумке бутылку с запрещенным алкоголем.

Как меняются времена! Что-то будет завтра?

ФРАЗЫ

● После брака кулаками не машут.
● Смешанный брак — это брак между мужиком и женщиной.
● К журналу мод прилагались выкройки из бюджета.
● Если вечером женщина отказывается от охи и сызгарты — значит, утром ее родителем являлись в школу.
● Семья будет крепкой, если зять и тесть любят друг друга.
● Существование женщин можно объяснить все пороки мироздания, кроме одного — самого существования женщины.
● Одна из десяти заповедей на новый лад: не пожелай жене ближнего сподручника.
Александр БОТВИННИКОВ

ФРАЗЫ

● Женщина — это мир, который лучше изучать радиозондами.
● Воспитанный мужчина не делает замечание жене, плачущей в углу.
● Любимая жена никогда не подчеркивает своего равнодушия.
● В женском сердце есть уголочек, где можно прожить до рассвета.
● Наша женщина — самая излюбленная отсутствующая безработица.
● Если жена не подарок — значит, она от бога.
● Замела за советом и любовью.
● «Шведскую» семью может разрушить только прописка.
Геннадий МАЛКИН

НЕФОРМАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Елена ТЕПЕР

ДЕПАРТАМЕНТ «Д»

— Добро пожаловать в Департамент, — приветливо махнул Барски и распахнул окно.
Первый, Главный и Глобальный по трусам вперед, ослепительно озирается. Пазную непонятную сыростью. По краям департамента шелестели зеленато-серые дымящиеся водоросли. Посередине колышались мутно-голубое озеро. На берегу в огромном количестве валялись обрывки бумажек, щепочки, банки, перья и опилки. По ним бегали толстые крысы с торчащими во все стороны ребрами.
— Ну-ка, как успехи? — бодро спросил Глобальный, потирая лысину.
— Активно идет водорослеборочная кампания, — отпартовал Барски, переминяясь с ноги на ногу и застенчиво влияя хвостом.

Первый и Главный переглянулись. Водоросли стояли стеной, вплотную подступая к горлу. На берегу одиноко висела какая-то дохлая чайка. Кругом не было ни души. Водорослеборочная была в разгаре.
Глобальный похлопал Барски по плечу.

— Молодцы, — сказал он радостно.
— Ну а как показатели?

— Сопляков перестали посылать на уборку, — пожаловался Барски, потупившись. — Демократизация. И с таргетными силами. Это влияет.

В глубине слыны Антоно и Петруччо, два дюжих молодца лет семидесяти, в поддевках и носовых платках, по почемучто с паясами, уставляли на трибуну и выкатывали огромный караван на красном полотнце с багетом.

— Последняя сдочка по курным лапкам оставляет желать лучшего, — осторожно сказал Первый, заглядывая в документацию.

— Не надо сеять панику, — Глобальный солнечно улыбнулся, Барски вильнул хвостом.

Антоно и Петруччо укрепили трибуну, подперли ее сзади караваном, накрыли полотном с багетом и поставили сверху стеклянный графинчик, наполненный какой-то жидкостью.

Главный подтолкнул Глобального. Глаза у них заблестели.

— Что с финансами? — спросил Глобальный.

— Министерство ушло под воду, — отпартовал Барски, выткнувшись. — Теперь у нас работает зрягет на уровне мировых стандартов. Мы потратили на его разработку долгие годы.

Он подпер рукою остоу и огромной черной вороной на берегу, которая со свистом втягивала в себя все окружающее.

— Превосходно, — сказал Глобальный, слегка пятась, и что-то записав себе в блокнот. Барски присогнулся.

— А экология? — напомнил Первый.

— Вот, — с готовностью показал лапкой Барски. Все взглянули. Поверхность озера ровным слоем была покрыта долыми рыбками и еще какой-то дрянью.

— Поздравляю, — сказал Глобальный и пожел Барски лапку. — Вы поработали на славу.

Барски потупился.

— А вот и оборонный комплекс, — он с гордостью ткнул в пару ржавых стрелок, загоравших в опасной близости от воронки. Стрелки в неопределенных похотях мажорили неваднее.

— Я вижу, у вас образовое хозяйство, — сказал Глобальный. — Соберите людей, я скажу несколько слов.

Барски подошел к веревке и дернул. Она заворочалась.

На поле выбежала толпа и выстроилась перед трибуной в огромную беспорядочную очередь.

Глобальный взгромоздился на трибуну. Первый и Главный стали по бокам Глобального и налили себе стопочку из графинчика и талмус. Воцарилась тишина. Антоно поднес остроконечный бутербродик с остроконечной Очередь голодных глазами смотрела Глобальному в рот.

— Добро пожаловать в Департамент, — приветливо махнул Барски и распахнул окно.

Первый, Главный и Глобальный потрусли вперед, ослепительно озирается. Пазную непонятную сыростью. По краям департамента шелестели зеленато-серые дымящиеся водоросли. Посередине колышались мутно-голубое озеро. На берегу в огромном количестве валялись обрывки бумажек, щепочки, банки, перья и опилки. По ним бегали толстые крысы с торчащими во все стороны ребрами.

— Ну-ка, как успехи? — бодро спросил Глобальный, потирая лысину.

— Активно идет водорослеборочная кампания, — отпартовал Барски, переминяясь с ноги на ногу и застенчиво влияя хвостом.

Первый и Главный переглянулись. Водоросли стояли стеной, вплотную подступая к горлу. На берегу одиноко висела какая-то дохлая чайка. Кругом не было ни души. Водорослеборочная была в разгаре.

Глобальный похлопал Барски по плечу.

— Молодцы, — сказал он радостно.

— Ну а как показатели?

— Сопляков перестали посылать на уборку, — пожаловался Барски, потупившись. — Демократизация. И с таргетными силами. Это влияет.

В глубине слыны Антоно и Петруччо, два дюжих молодца лет семидесяти, в поддевках и носовых платках, по почемучто с паясами, уставляли на трибуну и выкатывали огромный караван на красном полотнце с багетом.

— Последняя сдочка по курным лапкам оставляет желать лучшего, — осторожно сказал Первый, заглядывая в документацию.

— Не надо сеять панику, — Глобальный солнечно улыбнулся, Барски вильнул хвостом.

Антоно и Петруччо укрепили трибуну, подперли ее сзади караваном, накрыли полотном с багетом и поставили сверху стеклянный графинчик, наполненный какой-то жидкостью.

Главный подтолкнул Глобального. Глаза у них заблестели.

— Что с финансами? — спросил Глобальный.

— Министерство ушло под воду, — отпартовал Барски, выткнувшись. — Теперь у нас работает зрягет на уровне мировых стандартов. Мы потратили на его разработку долгие годы.

Он подпер рукою остоу и огромной черной вороной на берегу, которая со свистом втягивала в себя все окружающее.

— Превосходно, — сказал Глобальный, слегка пятась, и что-то записав себе в блокнот. Барски присогнулся.

— А экология? — напомнил Первый.

— Вот, — с готовностью показал лапкой Барски. Все взглянули. Поверхность озера ровным слоем была покрыта долыми рыбками и еще какой-то дрянью.

— Поздравляю, — сказал Глобальный и пожел Барски лапку. — Вы поработали на славу.

Барски потупился.

— А вот и оборонный комплекс, — он с гордостью ткнул в пару ржавых стрелок, загоравших в опасной близости от воронки. Стрелки в неопределенных похотях мажорили неваднее.

— Я вижу, у вас образовое хозяйство, — сказал Глобальный. — Соберите людей, я скажу несколько слов.

Барски подошел к веревке и дернул. Она заворочалась.